

УДК 930.85: 82(091) (История культуры (общие вопросы). История литературы)

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННОСТЬ ПЕЙЗАЖА В КНИГЕ А.П.ЧЕХОВА «ОСТРОВ САХАЛИН»

© 2015 И.Ф.Мифтахов

Мифтахов Искандер Фуадович, аспирант кафедры русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы СГСПУ; ведущий специалист Управления учебно-метод. и информационного обеспечения Самарского государственного медицинского университета. E-mail: isk@mail.ru

Самарский государственный социально-педагогический университет. Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 06.06.2017

Статья посвящена книге А.Чехова «Остров Сахалин» (Из путевых записок) и художественным приемам описания пейзажа, которые в ней использованы. Раскрывается полифункциональная роль описания пейзажа как средства в достижении контраста между состоянием природы и жестокостью, болезнями и нравственными страданиями людей, место пейзажных зарисовок – в качестве фона или действующего лица, как художественного инструмента, подчеркивающего остроту социальных проблем на каторжном острове. Пейзаж рассматривается в аспекте единства времени и пространства книги, хронотопа произведения «Остров Сахалин».

Ключевые слова: Чехов, книга «Остров Сахалин», пейзаж, хронотоп, болезни, страдания, русская каторга.

Необычайная документальность в соединении с отточенной художественностью А.Чехова в описании пейзажных картин, нравственных и физических страданий каторжан, условий жизни людей, показанные в книге «Остров Сахалин (Из путевых записок)» привлекали внимание известных ученых. О функции пейзажа в произведениях автора высказывались в своих работах: А.П.Чудаков, Н.Е.Разумова, И.Н.Сухих, В.В.Гульченко, Н.А.Дмитриева, А.Балдин [1] и др. Нас заинтересовал, в том числе, и комплексный анализ пейзажа, показанного в системе координат пространства и времени действия в «Острове Сахалин». Для освещения аспекта - единства времени и пространства в книге, хронотопа литературного произведения мы использовали труды М.М.Бахтина [2].

Нашей целью является определение значения и роль пейзажа в книге Чехова «Остров Сахалин». Недостаточно изученной проблемой является функция пейзажа как средства в достижении контраста между описаниями природы и жестокости, несправедливости убогости человеческого мира; определения места пейзажных зарисовок как средства подчеркнуть остроту социальных проблем, поднятых автором.

Примечательно, что уже в ранних произведениях Чехова-пейзажиста природа нередко выступает не только как контраст, но и как убежище для израненной души или духовный идеал для возрождения. Гуманистическое звучание чеховских пейзажных картин говорит, что как в перво-

зданной картине природы, так и в человеке должно быть все прекрасно. Эта социальная, гражданственная идея особенно ярко нашла воплощение в зрелые годы в книге «Остров Сахалин (Из путевых записок)» [3].

Путешествие на остров Сахалин значительно обогатило А.П.Чехова образами о впервые открывшихся природных ландшафтах и расширило географическое пространство, где он впервые смог побывать. В.В.Гульченко пишет – Рубежным, поворотным толчком к глубинному изменению чеховского хронотопа стала, как известно, его поездка на Сахалин, а, если шире, его кругосветное путешествие, обратившее многие его впечатления в новые художественные поступки. В чеховском хронотопе в качестве краеугольного основания мы видим книгу «Остров Сахалин» с его ярким поэтико-художественным звучанием. Н.А.Дмитриева отмечает:

«Именно как художнику Чехову было нужно видеть далеко и во все стороны. Пополнение запаса впечатлений, встречи с новыми людьми, новыми ландшафтами писателю, конечно, необходимы, но и это не главное. <...> Большие пространства мира наводили на большие мысли, духовный горизонт раздвигался, к явлениям локальным прилагался общечеловеческий масштаб – вот почему росло мировое значение искусства Чехова» [5].

Книгу «Остров Сахалин» по художественной значимости пейзажных зарисовок можно разде-

лить на две части: с I по XIII главы повествование изобилует описаниями природы и строится в соответствии с маршрутом и хронологией поездки Чехова, и главы с XIV по XXIII с более редкими картинами сахалинского пространства. Во второй части внимание автора значительно больше уделено социальным, медицинским и психологическим условиям жизни населения. Семантическая роль элементов пейзажа особенно ярко проявляется в первой части. В ней Сахалин предстает центром и основой того микрокосма, куда попадает автор.

Художественными приемами представления пейзажа в «Острове Сахалин» автор-повествователь показывает, что он описывает *иное пространство*, ранее неведомое ему и читателям. Действительно, Чехову впервые предстает некая непознанная грань Российской земли. Он одновременно и открывает перед нами новую землю, новые картины, но и показывает, что данное место – «как в аду», граница, «конец света», крайняя точка родной страны. Например, первое впечатление об открывшемся на горизонте острове Сахалин, уподобленный аду:

«Когда в девятом часу бросали якорь, на берегу в пяти местах большими кострами горела сахалинская тайга. <...> Страшная картина, грубо скроенная из потемок, силуэтов гор, дыма, пламени и огненных искр, казалась фантастической. На левом плане горят чудовищные костры, выше них – горы, из-за гор поднимается высоко к небу багровое зарево от дальних пожаров; похоже, как будто горит весь Сахалин. <...> И все в дыму, как в аду» [6].

Посредством акцентирования внимания читателя на географическом положении Сахалина как крайней точки российской земли, Чехов утверждает, что здесь и предельная острота унижения каторжника:

«...в это дождливое, грязное утро, были моменты, когда мне казалось, что я вижу крайнюю, предельную степень унижения человека, дальше которой нельзя уже идти» [6, с.152].

Направление внимания читателя на окраинное географическое положение острова усиливает впечатление о безысходности страданий его каторжан: «Тут кончается Азия... <...> Кажется, что тут конец света и что дальше уже некуда плыть» [6, с.45].

Автора волнует не только реальная картина границы двух больших стихий – суши и моря. Он пытается заглянуть за эту границу и представить невидимый за Тихим океаном, достигаемый только силой мысли американский континент: «...а на

том берегу, далеко, воображаемом, Америка» [6, с.211]. Примечательно, что А. Чехов описывает пейзажные картины и языком художественного слова, и языком науки, приводя географическое описание этой границы:

«Сахалин лежит в Охотском море, загораживая собою от океана почти тысячу верст восточного берега Сибири и вход в устье Амура» [6, с.53].

Автор-рассказчик многократно обращается к Сахалину как обобщенному образу пространства, через которое проходит граница российской земли. Смысл жизни, смерть каторжан, их болезни и нравственные страдания – все эти нарративы неразрывно связаны с нахождением в приграничном пространстве Сахалина. Оно сжимается в узкую прибрежную полосу и дорогу:

«Каторжник здесь в продолжение многих лет без перерыва видит только рудник, дорогу до тюрьмы и море. Вся жизнь его как бы ушла в эту узкую береговую отмель между глинистым берегом и морем» [6, с.149].

Впервые столкнувшись с природой Дальнего Востока, в том числе, пейзажем Сахалина, Чехов неоднократно отмечает непохожесть и самобытность этой земли по сравнению с остальной Россией:

«...боже мой, как далека здешняя жизнь от России! <...> ...у меня было такое чувство, как будто я не в России, а где-то в Патагонии или Техасе; не говоря уже об оригинальной, не русской природе...» [6, с.42].

В книге используются и почти нейтральные, лирические описания природы со значением конечности земной жизни и видимого пространства:

«...надвигалась стена тумана совершенно белого, молочного цвета; походило на то, как будто с неба на землю опустился белый занавес» [6, с.114].

Художественные особенности стиля описания различных пейзажей в «Острове Сахалин» говорят об *эмоционально-положительных* чувствах автора по отношению к природе, которые контрастируют с его негативными настроением в связи предчувствием катастрофы, с рассказами о неустроенной жизни, о ненужности человека, о смерти, болезнях и страданиях на пропитанном злом каторжном острове. Например, вечером автора волнуют невеселые переживания:

«Я думаю, что если здесь остаться ночевать под открытым небом, не окружив себя кострами, то можно погибнуть или, по меньшей мере, сойти с ума» [6, с.50].

Наутро пейзаж снова радует писателя, в тоже время, он чувствует бесполезность человека для сахалинской природы: «Берег весело зеленеет на солнце и, по-видимому, прекрасно обходится без человека. <...> Утро было яркое, блестящее...» [6, с.51]. Далее автор-повествователь, как будто, в мягкой, лиричной манере описывает сахалинский пейзаж, подводя нас к тревожным думам. Мы это связываем с мировоззренческой, философской позицией автора:

«По совершенно гладкому морю, пуская вверх фонтаны, гуляли парочками киты, и это прекрасное, оригинальное зрелище развлекало нас на всем пути. Но настроение духа, признаюсь, было невеселое, и чем ближе к Сахалину, тем хуже. Я был непокоен» [6, с.54].

Автор вновь погружает нас в идиллическую картину сахалинского пейзажа:

«Дни стояли хорошие, с ясным небом и с прозрачным воздухом, похожие на наши осенние дни. Вечера были превосходные; припоминается мне пылающий запад, темно-синее море и совершенно белая луна, выходящая из-за гор» [6, с.65].

В следующем отрывке реципиент понимает и чувствует контраст в отношении писателя к благостному пейзажу и услышанной негативной оценке Сахалина, но поданной с ноткой сомнения:

«...про Сахалин же говорят, что климата здесь нет, а есть дурная погода, и что этот остров – самое ненастное место в России. Не знаю, насколько верно последнее; при мне было очень хорошее лето...» [6, с.112].

Через некоторое время природа вновь радует автора-путешественника: «Это место, помимо красоты положения, чрезвычайно богато красками...» [6, с.124].

Чехов отмечает печаль и суровость увиденного пейзажа как изначально-самобытную: «Правда, природа там печальна и сурова, но сурова она по-русски, здесь же она улыбается и грустит, должно быть, по-аински...» [6, с.208]. Сахалинская природа в сознании Чехова возбуждала живой интерес и завораживала ощущением скрытой за грозным ревом моря угрозой:

«...жутко и в то же время хочется без конца стоять, смотреть на однообразное движение волн и слушать их грозный рев» [6, с.211].

В первоначальном, черновом, варианте после описания красоты пролива: «Татарский берег красив, [смотрит ясно и] выглядит нелюдимо и тор-

жественно...», – следует контраст с критикой социального устройства государства. Она впервые прозвучала в книге как протест и желание очиститься от скверны российского общества: «Мы уже осквернили эти берега и эти воды насильем; тут провозили арестантов, звенели кандалы, шел смрад от солонины, из трюмов...». Гармоничная природа подсказывает выход из окружающей Чехова несправедливости. Разрешение противоречий он видит в переходе к некоему идеализированному миропорядку, в котором хочет жить уже сейчас, что мы находим в намерении выйти из прежнего пространства в открывшийся ему на Сахалине новый мир с неповторимыми картинами природного пейзажа:

«...у меня такое чувство, как будто я уже вышел из пределов земли и порвал навсегда с прошлым... <...> ...такое чувство, как будто я [уже навсегда живу где-то на другой планете] вступаю в какой-то новый, спокойный и свободный мир». Именно каторжный Сахалин с первозданным пейзажем в идеализированных представлениях Чехова предстает чудесным местом нравственного очищения людей и островом для их дальнейшей счастливой жизни: «В будущем здесь, на этом берегу, будут жить [счастливые люди и – кто знает?] [лучше и счастливее, чем мы] в самом деле [спок<ойно> наслаждаясь] наслаждаться свободой и покоем. Кто знает?» [6, с.388].

Автору хочется в это верить, но он риторически вопрошает – кто знает?... К сожалению, эти замечательные рассуждения о природе и идеале общественного устройства автор не стал включать в окончательный вариант книги.

В чеховском описании пейзажа мы замечаем характерную *статичность и бесконечность* природы, монотонность пути и течения времени, что проявляется в меньшей динамичности явлений и единообразии пейзажных зарисовок по сравнению с ранним периодом творчества. В книге Сахалин предстает особым бесконечно-однообразным пространством с остановившимся временем, что усиливает ощущение безысходности, фатальности зла и его вечного существования на острове. Об аналогиях в показе чеховской тайги как бесконечного и однообразного объекта рассуждает Н.Е.Разумова:

«Тайга выступает воплощением природного, материального мира; ее грандиозный образ напоминает о повести Тургенева «Поездка в Полесье» (1857), где лес выступал в аналогичной символической роли» [7, с.176].

Описание дороги, даже огонь пожара и клубящийся дым выглядят застывшими и спокойными: «...сплошная зеленая масса выбрасывала из себя багровое пламя; клубы дыма слились в длинную, черную, неподвижную полосу, которая висит над лесом... Пожар громадный, но кругом тишина и спокойствие...» [6, с.45].

Об огромных и безлюдных пространствах говорит следующая фраза:

«Если бы птица полетела напрямик с моря через горы, то, наверное, не встретила бы ни одного жилья, ни одной живой души на расстоянии пяти сот верст и больше...» [6, с.51].

Монотонность и неразличимость деталей пейзажа звучит в строках:

«...на берегу в пяти местах большими кострами горела сахалинская тайга. Сквозь потемки и дым, стлавшийся по морю, я не видел пристани и построек и мог только разглядеть тусклые постовые огоньки, из которых два были красные. Страшная картина, грубо скроенная из потемок, силуэтов гор, дыма, пламени и огненных искр...» [6, с.54].

Монотонным пейзажем со скудной растительностью Чехов подчеркивает неприветливость и возможную опасность данной местности:

«Но природа по пути поражает своею бедностью. Вверху на горах и холмах, окружающих Александровскую долину, по которой протекает Дуйка, обгорелые пни, или торчат, как иглы дикобраза, стволы лиственниц, высушенных ветром и пожарами, а внизу по долине кочки и кислые злаки – остатки недавно бывшего здесь непроходимого болота. <...> Ни сосны, ни дуба, ни клена – одна только лиственница, тощая, жалкая, точно огрызенная, которая служит здесь не украшением лесов и парков, как у нас в России, а признаком дурной, болотистой почвы и сурового климата» [6, с.56–57].

Не только земля, но и небо, погода в течение длительного времени показаны монотонно, что усиливает безрадостное впечатление о жителях острова:

«Небо по целым неделям бывает сплошь покрыто свинцовыми облаками, и безотрадная погода, которая тянется изо дня в день, кажется жителям бесконечною. Такая погода располагает к угнетающим мыслям и унылому пьянству. Быть может, под ее влиянием многие холодные люди стали жестокими и многие добряки и слабые духом, не видя по целым неделям и даже месяцам солнца, навсегда потеряли надежду на лучшую жизнь» [6, с.113].

Не только людям, но и деревья погружены монотонную жизнь, где в необозримом пространстве о них никто не узнает. Им приходится «...в длинные страшные ночи, качаться неутомно из стороны в сторону, гнуться до земли, жалобно скрипеть – и никто не слышит этих жалоб» [6, с.121–122].

В «Острове Сахалин» мы наблюдаем характерное *отсутствие внутренней дифференцировки* пейзажных зарисовок. При этом, какая-либо часть картины характерна и репрезентативна для восприятия всего пейзажа в данное время и в другие моменты путешествия. Это также отличительная особенность манеры художественного стиля книги в изображении природы по сравнению с ранними произведениями. Например:

«Перед глазами широко расстилается Лиман, впереди чуть видна туманная полоса – это каменный остров; налево, теряясь в собственных извилинах, исчезает во мгле берег, уходящий в неведомый север» [6, с.45].

Репрезентативен для всей картины и следующий отрывок:

«...высокие крутые берега, которые видны на десятки верст по обе стороны, прозрачный туман на горах и дым от пожара...» [6, с.55].

По описанию одного участка реки можно представить картину вверх и вниз по течению:

«...на берега ее были намыты громадные кучи деревьев, обрушившихся в воду, низина во многих местах была покрыта старым лесом из пихты, лиственницы, ольхи и лесной ивы, и кругом стояло непроходимое топкое болото» [6, с.76].

Чехов подробно описывает участок долины, лес и горы в пределах видимости. Аналогичный пейзаж предполагается и за обозреваемым горизонтом:

«Березы, осины, тополи, ивы, ясени, бузина, черемуха, таволга, боярышник, а между ними трава в рост человека и выше; гигантские папоротники и лопухи, листья которых имеют более аршина в диаметре, вместе с кустарниками и деревьями сливаются в густую непроницаемую чашу, дающую приют медведям, соболям и оленям. По обе стороны, где кончается узкая долина и начинаются горы, зеленою стеной стоят хвойные леса из пихт, елей и лиственниц, выше их опять лиственный лес, а вершины гор лысы или покрыты кустарником» [6, с.118].

Проезжая по дороге автор отмечает повторяющиеся по обе стороны участки однотипного леса: «По красно-бурой болотистой равнине там и сям тянутся полоски кривого хвойного леса...»

[6, с.126]. Пейзажные картины по сторонам дороги не отличимы друг от друга, ни одно существо не оживляет эту картину и не останавливает взгляд писателя-путешественника:

«Налево видны в тумане сахалинские мысы, направо тоже мысы... а кругом ни одной живой души, ни птицы, ни мухи...» [6, с.211].

В «Острове Сахалин» Чехов-пейзажист продолжает активно использовать *краткие*, но емкие описания природы, отшлифованные еще в раннем периоде творчества. Они передают отношение автора к окружающей действительности и создают фон повествования: «День был тихий и ясный. На палубе жарко, в каютах душно; в воде +18°» [6, с.45]. Эмоционально нейтральный минимализм в описании побережья видим в предложениях: «На берегу несколько домиков и церковь» [6, с.52] и «Пахло дождем» [6, с.121]. Надвигающаяся катастрофа, царство тьмы угадываются в коротких фразах: «И всё в дыму, как в аду», [6, с.54] «Проклятая земля» [6, с.59] и «Вон вдали огни, где жгут уголь, вон огонь от пожара. Восходит луна» [6, с.65]. Образ пустоши рисуют несколько слов:

«Возле ни одного деревца» [6, с.73]. Безмятежность пейзажа передается одной строкой: «Была тихая, теплая погода, и чувствовался праздник» [6, с.109].

Антон Чехов широко использовал свое естественно-научное образование, полученное на медицинском факультете МГУ, для усиления *документальности описания* пейзажа. Не случайно А.Балдин писал:

«Это удивительная книга, «Остров Сахалин», написанная очевидно «зряче», на границе литературного текста и научного обозрения...» [8, с.142–153].

Автор-повествователь на страницах книги приводит подробные ботанические и геологические описания картин природы даже с латинской терминологией:

«...декорацию пополняет еще одно великолепное растение из семейства зонтичных, которое, кажется, не имеет на русском языке названия: прямой ствол вышиною до десяти футов и толщиною в основании три дюйма, пурпурово-красный в верхней части, держит на себе зонтик до одного фута в поперечнике; около этого главного зонтика группируются 4–6 зонтов меньшего размера, придающие растению вид канделябра. По-латыни это растение называется *angelophyllum ursinum*» [6, с.118].

Познания в ботанике угадываются в чеховском описании:

«Почва здесь – верхковый слой перегноя, а подпочва – галька, которая в жаркие дни нагревается так сильно, что сушит корни растений, а в дождливую пору не пропускает влаги, так как лежит на глине; от этого корни гниют. На такой почве, по-видимому, без вреда для себя могут уживаться только растения с крепкими, глубоко сидящими корнями, как, например, лопухи, а из культурных только корнеплоды, брюква и картофель...» [6, с.123].

Автор добавляет к научному описанию неожиданные метафоры «...гордо возвышаются растения из семейства зонтичных, похожие на канделябры...» [6, с.124]. Прочитанные перед путешествием на Сахалин научные книги позволили А.Чехову сделать такое описание:

«Пласты угля здесь, по описанию специалистов, сдавлены пластами песчаников, глинистых сланцев, сланцевых глин и глинистых песков, приподнятых, изогнутых, сдвинутых или сброшенных породами базальтовыми, диоритовыми и порфиоровыми, вышедшими во многих местах большими массами» [6, с.128].

Чехову как врачу удалось органично передать ощущение разрухи и смерти «анатомическим» описанием окон домов, которые «глядят на вас, как глазные впадины черепа» [6, с.41].

Писатель-путешественник для придания полной реалистичности произведению приводит подробные научные описания природы, даже скрытой за горизонтом, размышления, с долей художественного сравнения. Заметно, что сведения почерпнуты из специальной литературы:

«По своему географическому положению нижняя треть Сахалина соответствует Франции, и если бы не холодные течения... <...>. Холодные течения, идущие от северных островов, где даже в конце лета бывает ледоход, омывают Сахалин с обеих сторон, причем восточному берегу, как более открытому течениям и холодным ветрам <...>; природа его безусловно суровая, и флора его носит настоящий полярный характер. Западный же берег много счастливее; здесь влияние холодного течения смягчается теплым японским течением, известным под названием Куро-Сиво; не подлежит сомнению, что чем южнее, тем теплее, и на южной части западного берега наблюдается сравнительно богатая флора...» [6, с.181–182].

Другой наработанный в юности прием – художественное сравнение пейзажа с одушевленными существами и *наделением природы челове-*

ческими качествами:

«...каждое <дерево> из них в одиночку ведет жестокую борьбу с морозами и холодными ветрами, и каждому приходится ... качаться неутомно из стороны в сторону, гнуться до земли, жалобно скрипеть, – и никто не слышит этих жалоб» [6, с.122]. В другом отрывке: «...<природа> точно хочет улыбнуться на прощанье...» [6, с.126].

Особенно часто пейзаж показывается как одушевленный предмет описания, приобретает собственные эмоции в изображении реки или моря:

«Река Дуйка, всегда убогая, грязная, с лысыми берегами, а теперь украшенная <...> была на этот раз красива, даже величественна, но и смешна, как кухаркина дочь, на которую для примерки надели барышнину платье» [6, с.64, 65].

У Чехова река может задремать: «...когда я видел ее, на ее совершенно гладкую поверхность ложились вечерние тени; она была тиха и, казалось, дремала» [6, с.109]. Описывая человеческую эмоциональность морских волн Чехов, тем самым, передает свое отношение к данному пейзажу: «...печально шумели волны» [6, с.121]. Морские волны живут самостоятельной жизнью, по неведомым законам, не обращая внимание на присутствие в их мире человека и совершенно не нуждаясь в нем: «...для кого здесь режут волны, кто их слушает здесь по ночам, что им нужно и, наконец, для кого они будут реветь, когда я уйду» [6, с.211].

Каждая одушевляющая деталь делает описание пейзажа более ярким и образным. По возвращении из путешествия А.Чехов переполнен эмоциями. Это находит отражение в письме: «Право, столько видел я богатства и столько получил наслаждений, что и помереть теперь не страшно» [9, с.127]. Как для России Сахалин является границей с другим миром, так и путешествие на каторжный остров с неповторимой природой стало для писателя рубежным этапом в эволюции чеховского мировоззрения. С присущей самоиронией он в следующем письме так описывает произошедшую в своем сознании метаморфозу:

«...До поездки «Крейцера соната» была для меня событием, а теперь она мне смешна и кажется бестолковой. Не то я возмужал от поездки, не то с ума сошел...» [9, т.4, с.147].

Яркость впечатлений Чехова от неповторимых пейзажей не уменьшилась даже по прошествии 12–14 лет, т.е. до конца жизни: «Это удивительнейшее озеро, увидишь, всю жизнь будешь помнить» [9, т.10, с.163], – пишет он в 1902 г. жене

О.Книппер-Чеховой о несбыточной из-за смертельной болезни, но волнующей мечте еще раз увидеть озеро Байкал. В 1904 г. в письме командированному во Владивосток Б.Лазаревскому пейзажи из давнего путешествия на Сахалин воскращаются как будто увиденные накануне:

«Когда я был во Владивостоке, то погода была чудесная, теплая, несмотря на октябрь, по бухте ходил настоящий кит и плескал хвостом, впечатление, одним словом, осталось роскошное...» [9, т.12, с.86].

Картины природы всплывают в сознании Чехова-пейзажиста живо, с порисованными деталями, с пространственно-временными координатами и особенностями погоды. Писатель сравнивает и возвышает остров до масштабов целого континента или страны, периодически сравнивая его то с Америкой, то с остальной Россией, Европой или с отдельными странами – Францией, Японией. Чехов, находясь на Сахалине, впервые выбирает его центром созданной в книге художественной картины своеобразного микрокосма. Окружающие континенты, страны, море, даже материковая Россия предстает довольно удаленной панорамой, расположенной вокруг острова. Намного реже автор смотрит на остров с точки зрения каторжан, тогда пространство резко сжимается в узкую прибрежную полосу.

Природа острова для Чехова, получившего университетское естественно-научное образование, предстает как уникальная лаборатория для описания природы: солнца, луны, облаков, ветра, рек, моря, флоры и фауны.

Мы разделяем общую оценку Н.Е.Разумовой, отметившей, что книга Чехова «по-очерковому нацелена на конкретный жизненный материал и связанные с ним актуальные вопросы» [7, с. 201, 202], при этом отношение автора, глубина погружения читателя в повествование и степень обобщения достигается активным использованием элементов пейзажа: дороги, леса, гор, полей, моря, рек, озер, облаков, построек. Дополнительную смысловую нагрузку основным топосам автор придает за счет создания пространственных связей между составными элементами пейзажа, объединенных хронологическим порядком изложения. По заключению М.М.Бахтина:

«В литературно-художественном хронотопе имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время здесь спускается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета истории» [2, с.235].

Так же и в «Острове Сахалин» – в книге ощущается различная скорость течения времени, смена сезонов и органическое соединение с пейзажными картинами.

В мастерстве подачи картин природы заключен уникальный поэтический рецепт писателя и врача А.П.Чехова, который определил успех книги. Благодаря реалистичному и художественному описанию природы в координатах времени и пространства «Остров Сахалин» стал уникальным образцом чеховского хронотопа. Его новаторство часто сравнивают с эпическим хронотопом русской классической литературы 19 в. И.Н.Сухих в связи этим указывает, что он противоположен и строится на принципах «разомкнутости, неограниченности мира вместо его замкнутости...» [10, с.136].

Таким образом, благодаря масштабному путешествию Чехов получил уникальные впечатления об острове Сахалин и его пейзажах. Особенностью знакомства с пейзажем стала динамика познания: она заключалась в постоянном движении и активном взаимодействии с природой. В книге рисуются бесконечные или замкнутые пространства, их можно преодолеть или раствориться в них. Перемена картин природы происходит в зависимости от времени суток и от сезона года, что является дополнительным инструментом авторского нарратива.

Внутренний мир Чехова-путешественника ди-

намично взаимодействует с открывшимся пространством Сахалина, соединяется с его творческим мышлением и рисует то более художественную, то более научно-документальную картину природного пейзажа. В его созерцании и стремлении разгадать закономерности природных явлений автор, порой, наделяет некоторые из них человеческими качествами – они мыслят, радуются, грустят, жалуется, дремлют.

В книге особенно зримо чувствуется, что детали чеховского пейзаж не только создают общий эмоциональный фон, но и транслируют авторскую позицию к происходящему, иллюстрируют его отдельные мысли, действия и переживания персонажей, предчувствие и возможное развитие событий. Образным языком пейзажа, на контрасте красот природы и убогости человеческого существования на Сахалине Чехов показывает читателям этот остров в качестве обособленного царства зла, человеческих болей и унижений. Другой идейной линией автора-повествователя является поиск путей выхода общества из атмосферы несправедливости. Идеализированным средством для самоочищения от социальных недугов, с позиции Чехова, является первозданная природа Сахалина.

Мы отмечаем, что явления природы, пейзаж выходит на первый план сюжета и сам становится героем произведения, буквально оживая на страницах книги и вещая от имени автора.

1. Чудаков, А.П. Поэтика Чехова. М., Наука, 1971. 291 с; Разумова, Н.Е. Творчество А.П.Чехова в аспекте пространства. Томск, Томский государств. ун-т. 2001. 521 с; Сухих. И.Н. Проблемы поэтики А.П.Чехова. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. С. 136; Гульченко, В.В. Место «Острова Сахалина» в чеховском хронотопе // XVIII Чеховские чтения. Проблемы и перспективы сохранения чеховского наследия: материалы научно-практической конференции. 29–30 января 2015 года / сост. А.А.Жук, А.А.Степаненко. Южно-Сахалинск; М.; Изд-во Перо, 2015. С. 108–109; Дмитриева, Н.А. Послание Чехова. М., Прогресс-Традиция, 2007. С. 137–138; Балдин, А. Четыре Чехова // Октябрь. 2010. № 1. С. 142–153.
2. Бахтин, М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // В кн. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / сост. С.Г.Бочаров; текст подгот. Г.С.Бернштейн и Л.В.Дерюгина; примеч. С.С.Аверинцева и С.Г.Бочарова. М., Искусство, 1979. 424 с. (Из истории сов. эстетики и теории искусства). С. 235.
3. См.: Мифтахов, И.Ф. Современники А.П.Чехова об «Острове Сахалин» // Известия Самарского научного центра РАН (Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки). 2015. №1-4. С. 960–962.
4. Гульченко В.В. Место «Острова Сахалина» в чеховском хронотопе // XVIII Чеховские чтения. Проблемы и перспективы сохранения чеховского наследия: материалы научно-практической конференции. 29–30 января 2015 года / сост. А.А.Жук, А.А.Степаненко. Южно-Сахалинск; М., Изд-во Перо, 2015. С. 108–109.
5. Дмитриева, Н.А. Послание Чехова. М., Прогресс-Традиция, 2007. С. 137–138.
6. Чехов, А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М.Горького. М., Наука, 1974–1982. Далее произведения А.П.Чехова цитируются по этому собранию сочинений с указанием тома и страницы. Особые случаи и примечания будут указаны отдельно. Т. 14/15., С. 54.
7. Разумова, Н.Е. Творчество А.П. Чехова в аспекте пространства. Томск, Томский государств. ун-т, 2001. С. 176.
8. Балдин, А. Четыре Чехова // Октябрь. 2010. № 1. С. 142–153.
9. Чехов, А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М.Горького. М., Наука, 1974. Т. 4., С. 127. Далее письма А.П. Чехова цитируются по этому собранию сочинений с обозначением: «Письма» и указанием тома, страницы.

10. Сухих, И.Н. Проблемы поэтики А.П.Чехова. Л., Изд-во Ленинградск. ун-та, 1987. С. 136.

**DOCUMENTARY ARTISTIC MERIT OF THE LANDSCAPE IN
«SAKHALIN ISLAND» BY ANTON CHEKHOV**

© 2017 I.F.Miftakhov

Iskander F. Miftakhov, postgraduate student of the Chair of Russian, Foreign Literature and Methods of Teaching Literature (SSUSSE); senior specialist of SSMU Educational Method and Information Support Administration.

E-mail: isk@mail.ru

Samara State University of Social Sciences and Education. Samara, Russia

The article is devoted to the book of A. Chekhov «Sakhalin Island» (Travel notes) and the artistic techniques of the landscape description which are used in it. Multifunctional role of the landscape description as the means to achieve contrast between the state of nature and cruelty, diseases and moral sufferings is revealed, the place of landscape sketches as background or character, as an artistic instrument that emphasizes the social problems on penal work island. The landscape is considered in terms of unity of time unity and book environment, of the work «Sakhalin Island» chronotope.

Keywords: Chekhov, the book «Sakhalin Island», landscape, chronotope, diseases, pain, Russian penal work.

1. Chudakov, A.P. Poetika Chekhova (Chekhov's poetics). M., Nauka, 1971. 291 s; Razumova, N.E. Tvorchestvo A.P.Chekhova v aspekte prostranstva (A. P. Chekhov's creativity in the aspect of environment). Tomsk, Tomskii gosudarstv. Un-t. 2001. 521 s; Sukhikh, I.N. Problemy poetiki A.P.Chekhova (Problems of poetics of A.P.Chekhov). L., Izd-vo Leningr. Un-ta, 1987. S. 136; Gul'chenko, V.V. Mesto «Ostrova Sakhalina» v chekhovskom khronotope (The place of "Island of Sakhalin" in Chekhov chronotope). *XVIII Chekhovskie chteniya. Problemy i perspektivy sokhraneniya chekhovskogo naslediya: materialy nauchno-prakticheskoi konf. 29–30 yanvarya 2015 goda / sost. A.A.Zhuk, A.A.Stepanenko. Yuzhno-Sakhalinsk; M.; Izd-vo Pero, 2015. S. 108–109; Dmitrieva, N.A. Poslanie Chekhova (Chekhov's message). M., Progress-Traditsiya, 2007. S. 137–138; Baldin, A. Chetyre Chekhova (Four Chekhov). *Oktyabr'*. 2010. № 1. S. 142–153.*
2. Bakhtin, M.M. Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoi poetike (Forms of time and chronotope in the novel. Sketches on historical poetics). *Bakhtin, M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva / sost. S.G.Bocharov; tekst podgot. G.S.Bernshtein i L.V.Deryugina; pri-mech. S.S.Averintseva i S.G.Bocharova. M., Iskusstvo, 1979. 424 s. (Iz istorii sov. estetiki i teorii iskusstva). S. 235.*
3. Sm.: Miftakhov, I.F. Sovremenniki A.P.Chekhova ob «Ostrove Sakhalin» (A.P.Chekhov's contemporaries about "Island of Sakhalin"). *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN (Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki)*. 2015. №1-4. S. 960–962.
4. Gul'chenko, V.V. Mesto «Ostrova Sakhalina» v chekhovskom khronotope (The place of "Island of Sakhalin" in Chekhov's chronotope). *XVIII Chekhovskie chteniya. Problemy i perspektivy sokhraneniya chekhovskogo naslediya: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii. 29–30 yanvarya 2015 goda / sost. A.A.Zhuk, A.A.Stepanenko. Yuzhno-Sakhalinsk; M., Izd-vo Pero, 2015. S. 108–109.*
5. Dmitrieva, N.A. Poslanie Chekhova (Chekhov's message). M., Progress-Traditsiya, 2007. S. 137–138.
6. Chekhov, A.P. Polnoe sobranie sochinenii i pisem (Complete works and letters): v 30 t. Sochineniya: v 18 t. / AN SSSR. In-t mirovoi lit. im. A.M.Gor'kogo. M., Nauka, 1974–1982. Dalee proizvedeniya A.P.Chekhova tsitiruyutsya po etomu sobraniyu so-chinenii s ukazaniem toma i stranitsy. Osobyie sluchai i primechaniya budut ukazany otdel'no. T. 14/15., S. 54.
7. Razumova, N.E. Tvorchestvo A.P. Chekhova v aspekte prostranstva (A.P.Chekhov's creative work in aspect of environment). Tomsk, Tomskii gos. un-t, 2001. S. 176.
8. Baldin, A. Chetyre Chekhova (Four Chekhov). *Oktyabr'*. 2010. № 1. S. 142–153.
9. Chekhov, A.P. Polnoe sobranie sochinenii i pisem (Complete works and letters): v 30 t. Pis'ma: v 12 t. / AN SSSR. In-t mirovoi lit. im. A.M.Gor'kogo. M., Nauka, 1974. T. 4., S. 127. Dalee pis'ma A.P.Chekhova tsitiruyutsya po etomu sobraniyu sochine-nii s oboznacheniem: «Pis'ma» i ukazaniem toma, stranitsy.
10. Sukhikh, I.N. Problemy poetiki A.P.Chekhova (Problems of A.P.Chekhov's poetics). L., Izd-vo Leningradsk. un-ta, 1987. S. 136.